

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

Научная статья / Research article

Динамика и причины нарушений трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова)

И.С. Тряхов

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых; 600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87;
ilja.tryahoff@yandex.ru

Dynamics and Causes of Violations of Labor Discipline during the Great Patriotic War (on the Materials of the City of Kovrov)

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russia; ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье исследуются причины нарушений трудовой дисциплины и их динамика в годы Великой Отечественной на примере компактного тылового индустриального центра – г. Коврова, который вошел в состав Владимирской области, выделившейся в 1944 г. из Ивановской. На основании анализа документов городского комитета партии города, включающих протоколы собраний горкома, докладные записки партийных инструкторов, планы и отчеты работы промышленных предприятий, автор делает вывод о присутствии определенной динамики в нарушениях жесткого трудового законодательства на предприятиях города. Изучая заявленную проблему, удалось не только выявить причины многочисленных нарушений трудового законодательства рабочими и служащими, но и выяснить отношение и реакцию ковровского горкома ВКП(б) на эти процессы. В ходе исследования во многом подтвердился факт, на который неоднократно указывалось как в отечественной, так и в зарубежной историографии, о преемственности процессов на промышленных предприятиях предвоенных и военных лет. При этом сводить все сложные жизненные явления и противоречия исключительно к ошибкам системы и проявлениям сталинизма вряд ли следовало бы. В каждом конкретном случае, описанном в источниках, присутствовал человеческий фактор и соответственно возможность выбора у должностных лиц. Выявленные исторические источники позволяют констатировать наличие определенной динамики в количестве нарушений трудовой дисциплины на уровне города и отдельных крупных предприятий, но чего не отмечалось в масштабах региона. Если для крупных предприятий была характерна волнообразная динамика нарушений с тенденцией их резкого увеличения в начале войны, то мелкие фабрики и артели показывали перманентное снижение таких случаев. Анализ трудовой практики военных лет вынуждает, по крайней мере частично, пересмотреть тезис советской историографии об исключительной сплоченности тыла, но одновременно подтверждает многогранность и сложность повседневной жизни работников тыла, подчеркивает суровые условия, в которых приходилось трудиться рабочим и служащим в военные годы и одновременно доказывает, что общество военных лет не было монолитным.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сталинизм, трудовая дисциплина, трудовое законодательство, тыл

Для цитирования: Тряхов И.С. Динамика и причины нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 330–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

© Тряхов И.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: This article explores the causes of labor discipline violations and their dynamics during the Great Patriotic War by the example of a compact rear industrial center – the city of Kovrov, which became part of the Vladimir Region, which stood out from Ivanovo in 1944. Based on the analysis of the documents of the city committee of the city party, including the minutes of the city committee meetings, memoranda from party instructors, plans and reports on the work of industrial enterprises, the author concludes that there is some dynamics in the violation of harsh labor laws at the city enterprises. Studying the stated problem, it was possible not only to identify the causes of numerous violations of labor legislation by workers and employees, but also to find out the attitude and reaction of the Kovrov city committee of the CPSU (b) to these processes. In the course of the study, a fact was confirmed in many respects, which was repeatedly indicated in both domestic and foreign historiography about the continuity of processes in industrial enterprises of the prewar and war years. Moreover, it would hardly be worthwhile to reduce all complex life phenomena and contradictions exclusively to system errors and manifestations of Stalinism. In each specific case described in the sources, there was a human factor and, accordingly, the choice of officials. The revealed historical sources allow us to ascertain the presence of a certain dynamics in the number of violations of labor discipline at the level of the city and individual large enterprises, but which was not observed across the region. If large enterprises were characterized by wave-like dynamics of violations with a tendency to increase sharply at the beginning of the war, then small factories and artels showed a permanent decrease in such cases. An analysis of the labor practice of the war years forces, at least partially, to revise the thesis of Soviet historiography on the exceptional cohesion of the rear, but at the same time confirms the versatility and complexity of the daily lives of rear workers, emphasizes the harsh conditions in which workers and employees had to work during the war years and at the same time proves that the war years society was not monolithic.

Keywords: The Great Patriotic War, Stalinism, labor discipline, labor legislation, rear

For citation: Tryakhov, Ilya S. “Dynamics and causes of violations of labor discipline during the Great Patriotic War (on the materials of the city of Kovrov).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 330–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

Введение

Проблема трудовой дисциплины в индустриальном обществе представляет собой фундаментальный аспект, определяющий экономический успех предприятия. В условиях военного времени этот вопрос приобретал для советского государства еще более актуальное значение. Повысить производительность труда предприятий тыла предполагалось путем ужесточения трудового законодательства, вывода такие нарушения, как опоздания, прогулы и самовольный уход с предприятий, в рамки административного и уголовного права. Насколько ожидания власти совпадали с реальной практикой – вопрос открытый. В настоящей статье анализируются причины, динамика и способы борьбы за улучшение трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны. Изучение трудовых отношений в этот период позволяет если не пересмотреть, то скорректировать наше знание о деятельности советского тыла.

Выбор города Коврова для анализа обусловлен несколькими причинами. В первую очередь, это объясняется спецификой города как небольшого и компактного, но мощного индустриального центра, в котором действовали важнейшие для советской оборонной промышленности предприятия, главным из которых был завод имени К.О. Киркижа – ныне носящий имя знаменитого конструктора В.А. Дегтярева. Поэтому не случайно, что в городе проживало значительное количество (в удельном весе населения) представителей технической интеллигенции. Важным для исследователя является также хорошая сохранность как партийных, так и заводских архивных фондов города Коврова и их высокая информативность.

Историографической особенностью темы является ее крайне дискуссионный и нередко политизированный характер, неизбежно связанный с общими проблемами периода сталинизма. В советский период отечественная историография вопрос трудовой дисциплины вплоть до эпохи «перестройки» специально не рассматривала. Сама констатация масштабных нарушений труддисциплины с точки зрения законода-

тельства должна была противоречить тезису о самоотверженном труде советских граждан ради победы¹. В эпоху «перестройки» в связи с масштабным рассекречиванием архивов проблеме трудовых отношений в годы войны стали уделять все больше внимания. В.Н. Земсковым была опубликована статистика судебных преследований по указам от 26 июня 1940 г. и от 26 декабря 1941 г. и по статье 193-7 п. «г» УК РСФСР², которая позволяла оценить масштабы действий этих нормативно-правовых актов³.

В постсоветский период в разных регионах нашей страны появилось немало работ⁴, рассматривающих данную тематику, начиная от исследования общих черт трудовой политики⁵ до описания социального портрета нарушителей на отдельных предприятиях⁶ и изучения трудового поведения рабочих и служащих⁷.

Нередко вопрос нарушений трудовой дисциплины рассматривается в рамках сталинской репрессивной политики⁸. Ряд историков придерживается позиции, что данную тему следует анализировать, опираясь исключительно на военные условия⁹. Обращается внимание на необходимость обязательно учитывать ментальность общества этой эпохи¹⁰. В настоящий момент ряд исследователей обращают внимание на то, что война является частью сталинской эпохи, которую не следует выделять в некий особый период в истории сталинизма¹¹. Кроме того, проблема трудовой дис-

¹ *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М., 1984; *Аникин А.С.* Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир, 1969; *Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34.

² О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. // Консультант Плюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения: 02.08.2019); Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Консультант Плюс [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3990> (дата обращения: 02.08.2019).

³ *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.

⁴ *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990; *Сомов В.А.* По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород, 2001; *Романова П.Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск, 2009.

⁵ *Сомов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19; *Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 55–59; *Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестн. Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.

⁶ *Белоногов Ю.Г., Мазука А.А.* Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 106–112; *Чуриков А.В.* Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 3. С. 125–129.

⁷ *Кабирова А.Ш.* Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 169–180.

⁸ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина М., 1989; *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; *Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A.* Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504.

⁹ *Пыхалов И.В.* Великая обогнанная война. М., 2006.

¹⁰ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2008.

¹¹ *Ганценмюллер Й.* Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М., 2019. С. 378–380; *Шубин А.В.* 10 мифов советской страны. М., 2006.

циплины теснейшим образом связана с мотивацией труда – темой, которая нашла в настоящее время немало исследователей¹². Ведь в конечном итоге ужесточение трудового законодательства в 1940–1941 гг. имело своей целью мотивировать рабочих и служащих к ударному труду, и в данном случае это было элементом политики принуждения. Ограниченные рамки статьи не позволяют детально проанализировать данные работы, которые, бесспорно, заслуживают самостоятельного историографического осмысления.

Что касается города Коврова то он, конечно, не обделен вниманием исследователей, но большинство работ, которые затрагивают самые разные аспекты жизни горожан в период войны, не рассматривают специально изучаемую нами проблему.¹³ Целью данной статьи является анализ изменений состояния трудовой дисциплины на предприятиях в годы Великой Отечественной войны на примере небольшого индустриального центра, находившемся в советском тылу.

Для реализации поставленной цели предстоит выявить и проанализировать причины, по которым рабочие и служащие нарушали трудовую дисциплину; изучить правоприменительную практику в отношении нарушителей и проследить динамику нарушений труддисциплины. Источниками для анализа послужили материалы фонда ковровского городского комитета партии, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области¹⁴, а также материалы личного происхождения, включая воспоминания современников¹⁵.

Ковров в годы Великой Отечественной войны

Индустриальное развитие г. Коврова, история которого начинается со второй половины XVIII в., в значительной мере было связано с прохождением рядом с ним железной дороги, связывавшей Москву и Нижний Новгород и начавшей функционировать еще в 1860-е гг. Тогда же в Коврове появляются железнодорожные мастерские, ставшие спустя десятилетия основой для Ковровского экскаваторного завода, в годы Великой Отечественной войны подчинявшегося Наркомату путей сообщения (НКПС). Это предприятие было в предвоенные и военные годы одним из трех основных в городе. По переписи 1939 г. в Коврове проживало 67448 человек¹⁶ и он являлся одним из крупнейших городов региона с высокой долей технической интеллигенции. На протяжении войны сюда было мобилизовано значительное количество молодежи не только из окрестных сел и деревень, но и из других районов области (приблизительно 10–15 тыс. человек). Здесь также трудились эвакуированные граждане из западных регионов страны и блокадного Ленинграда. Документы горкома партии свидетельствует о мобилизованных гражданах из Молотовской области¹⁷, Таджикской ССР¹⁸, численностью 800 и 327 человек соответственно. Со-

¹² *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. С. 39–56; *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40; *Романов Р.Е.* Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 309–332.

¹³ *Комарова Н.Е., Монякова О.А.* Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне. Ковров, 2005; *Фролов Н.В.* Ковровчане в Великой Отечественной: к 55-летию Великой Победы. Ковров, 2000.

¹⁴ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО РФ). Ф. 116. Д. 3728.

¹⁵ Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. М., 2010.

¹⁶ ГАВО РФ. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 4.

¹⁷ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 109. Л. 64.

¹⁸ Там же. Д. 129. Л. 28.

гласно архивным сведениям, всего в город в течение войны было эвакуировано 2903 человека, часть из которых была расселена в рамках политики «уплотнения» в квартирах, остальные – в заводских общежитиях¹⁹. Всего за годы войны, несмотря на призыв в РККА, численность населения города возросла, и в 1944 г., по сведениям партийных и советских инстанций, составляла более 70 тысяч человек²⁰. При этом, согласно воспоминаниям современников²¹ и архивным данным²², в городе была высокая смертность, пик которой пришелся на первые месяцы 1942 г.

За годы войны контингент работников ковровских предприятий помолодел. Из-за мобилизации в РККА на предприятия пришло много несовершеннолетней молодежи, в том числе девушек. Согласно данным по Владимирской области, доля рабочих до 20-ти лет в 1944 г. составляла более 75 %²³. При этом для крупных предприятий города была характерна высокая текучесть рабочей силы, на что часто жаловались их руководители и представители городского комитета ВКП(б)²⁴. Среди этих предприятий – уже упоминавшийся завод НКПС, который занимался производством и ремонтом экскаваторов и землеройных машин, текстильная фабрика имени Абельмана, поставлявшая в действующую армию обмундирование, и завод имени К.О. Киркижа, выпускавший стрелковое оружие и продукцию машиностроения. Всего за годы войны из цехов этого завода в действующую армию поступила 1.202.481 единица вооружений²⁵, что составляло немалую долю от всего произведенного в СССР стрелкового оружия. На этом заводе трудился знаменитый советский оружейник – конструктор В.А. Дегтярёв, чье имя в настоящее время носит завод. При анализе ситуации с трудовой дисциплиной автор обращался к истории именно этих предприятий, где работало в военные годы около половины населения города²⁶.

Условия труда и быта на предприятиях г. Коврова

Вклад советского тыла в победу в Великой Отечественной войне трудно переоценить, и в этой связи чрезвычайно важно раскрыть условия труда и быта тех, кто участвовал в создании оружия и техники, выпуске обмундирования РККА в годы военного лихолетья. Первостепенной задачей становится анализ трудовых практик работников в годы войны, а также реакция партийных и хозяйственных органов власти на нарушение трудовой дисциплины на предприятиях.

По заявлению одного из руководителей завода имени К.О. Киркижа М. Павлова, в 1942 г. в отдельных цехах количество нарушителей трудовой дисциплины достигало 15–20 человек в день²⁷. Директора завода Фомина возмущала деятельность отдельных врачей, которые формально выдавали рабочим бюллетени с диагнозом «алкоголизм». Фомин заявлял, что на заводе много симулянтов. Директор указывал: «Когда рабочему надо освободиться дня на 3, он напивается соленой воды или наносит себе членовредительство»²⁸.

¹⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 33. Л. 91.

²⁰ Там же. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 4.

²¹ Фролов Н.В. Ковровчане в Великой Отечественной... С. 21.

²² ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 32. Л. 42.

²³ Пономарев Д.И. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Владимир, 1995. С. 66.

²⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 162. Л. 20 об. – 21; Оп. 63. Д. 28. Л. 10; Д. 32. Л. 37.

²⁵ Штрихи истории. Известные и неизвестные страницы истории Ковровского завода имени В.А. Дегтярева с 1916 по 2006 год. Ковров, 2006. С. 115.

²⁶ ГАВО РФ. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. 116. Оп. 63. Д. 28. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 19.

В протоколах заседаний бюро Ковровского горкома ВКП(б) фиксировалось, что нарушения трудовой дисциплины были преимущественно характерны для молодых кадров, которые работали на заводе меньше года. Это были недавние выпускники школ ФЗУ и ремесленных училищ, имевших низкие разряды на работе, а потому получавшие небольшую зарплату. Отмечались случаи несвоевременных выплат заработной платы, следствием чего иногда становилось оставление производства отдельными работниками²⁹.

Аналогичные примеры встречались и на текстильной фабрике имени Абельмана. Имелись случаи не только большого количества невыходов на работу и прогулов, но и уход с фабрики за 3–4 часа до окончания смены. И здесь основными нарушителями указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. выступали преимущественно молодые кадры, пришедшие из детдомов и окончившие школы ФЗУ. Был зафиксирован случай, когда во время смены 2 мая 1942 г. 17 рабочих спали в цехе³⁰. Несерьезно относились к своим обязанностям табельщики. В феврале 1942 г. на том же заводе имени К.О. Киркижа было обнаружено 19 больших листов, не оформленных с августа 1941 г.³¹

При этом мнение партийных чиновников и руководителей предприятий на происходящее не всегда совпадало, хотя в значительной мере и те и другие достаточно ясно осознавали причины нарушений трудовой дисциплины. С точки зрения партийных чиновников, это происходило, в первую очередь, из-за низкого уровня политмассовой работы прежде всего со стороны партторгов в деле пропаганды самоотверженного труда.

В общежитиях отсутствовала периодическая печать (книги, журналы и газеты), а также условия для организации досуга работников предприятий (в частности, не было шахмат, шашек, домино, струнных музыкальных инструментов, спортивных площадок). В общежитии по Октябрьской улице, где проживали девушки, не работало радио, не было уборной и белье сушилось прямо в комнате. Со дня открытия общежития никто из хозяйственного, комсомольского и профсоюзного актива там не побывал³². Нехватка учебников в одном из заводских общежитий привела к тому, что группа эвакуированных из Латвии девушек изучала русский язык по купленной на рынке книге «Иван Бунин», изданной еще в 1917 г., что было явной «крамолой»³³. О санкциях в отношении работниц за чтение данной книги не сообщалось.

Истинные причины нарушений трудовой дисциплины лежали в основном в другой плоскости, нежели той, о которой говорилось на партийных собраниях, в средствах массовой информации и в официальных документах. Нельзя сказать, что об этом не было известно руководителям города и области, Отвратительные жилищные и бытовые условия, несвоевременные выплаты заработной платы, транспортные трудности и бездушные отдельных руководителей цехов периодически обсуждались на управленческих заседаниях разного уровня.

Значительная часть рабочих, в первую очередь мобилизованных из соседних районов, а также эвакуированных из Ленинграда либо прибывших из других восточных областей страны, проживала в очень сложных жилищных и бытовых условиях.

Ряд работников нуждался в элементарных вещах – обуви и спецодежде. Партийные инструкторы зафиксировали немало случаев, нашедших отражение в документах, когда люди, желавшие трудиться, не имели такой возможности в силу вы-

²⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 30. Л. 33.

³⁰ Там же. Д. 32. Л. 37.

³¹ Там же. Д. 30. Л. 33.

³² Там же. Д. 32. Л. 183.

³³ Там же. Д. 33. Л. 77.

шеуказанных причин. Имели место примеры судебного преследования за нарушения трудовой дисциплины вместо решения проблем работников непосредственными начальниками. Нам неизвестно количество таких случаев, партийные документы отразили лишь те, по которым работники были оправданы судом или партийными инстанциями. Так, в октябре 1942 г. был осужден рабочий Н.Ф. Моисеев 22-х лет, эвакуированный из Ленинграда, неоднократно просивший у начальника цеха помощи, но выгнанный последним из кабинета³⁴.

Руководители разных предприятий Коврова в сложных военных условиях очень часто не справлялись с обучением и рациональным распределением сотрудников на рабочих местах. Проверяющие писали в отчетах, что «вновь поступающие рабочие в цех, как правило, направляются на станок без предварительного выяснения желаний, настроений, а также и необходимого инструктажа по их обязанностям и правам»³⁵. Естественно, что это приводило и к большому количеству брака и к невыполнению норм молодым неопытным персоналом. На заводе имени К.О. Киркижа проверка установила использование молодых рабочих не по специальности и занижение разрядов. Нарушителями трудовой дисциплины оказывались в том числе комсомольцы³⁶. В 1942 г. только по этому заводу среди нарушителей было 16,1 % коммунистов и комсомольцев³⁷.

Негодные бытовые условия приводили к самовольным уходам рабочих с предприятий, что в реалиях того времени часто оценивалось как дезертирство. В протоколе бюро Ковровского горкома ВКП(б) от 2 ноября 1942 г. указывалось, что в общежитии № 1 фабрики имени Абельмана молодежь из-за отсутствия кастрюль варила картофель в умывальниках. Так как отсутствовали сушилки, одежду и обувь работники вынуждены были сушить около печей. Общежитие не было обеспечено дровами, а в других общежитиях этой фабрики не было даже кипятка³⁸. Такая ситуация не менялась в течение длительного времени. В 1943 г. партийный инструктор И.Л. Ладонцев вновь фиксировал подобные явления. Причем это было и на других предприятиях города, например, на индустриальном гиганте – заводе имени К.О. Киркижа. В общежитии этого завода, которое представляло собой полуподвальное здание, не было кипятка, часов, радио, отсутствовала вода для стирки белья³⁹, из-за чего, кстати, работницы нередко опаздывали на работу и после чего получали наказание. Одежда и матрацы в общежитиях не подверглись дезинфекции, койки часто были завшивленные, а полы в общежитии мылись от случая к случаю. Естественно, что о таких предметах, как зеркала и вешалки, говорить и вовсе не приходилось. Часто через тесовую перегородку в том же здании располагалась сапожная мастерская, откуда постоянно доносились брань, крики и нецензурные слова сапожников, что также не преминул указать в своей докладной записке инструктор⁴⁰. До проверки, проведенной Ладонцевым, никто из ответственных работников не поинтересовался жилищно-бытовыми условиями работниц и в общежитии никогда не бывал⁴¹.

Аналогичная ситуация была и в других бараках, в частности в бараках № 7, 8 и 18. В отчете инструктора для горкома указывалось, что прилегающая территория

³⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 56 об.

³⁵ Там же. Л. 69 об.

³⁶ Там же. Д. 33. Л. 52.

³⁷ Там же. Д. 30. Л. 33.

³⁸ Там же. Д. 33. Л. 77; Оп. 1. Д. 76. Л. 109.

³⁹ Там же. Оп. 63. Д. 33. Л. 77.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 121. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 10.

была загрязнена помоями; все уборные были в таком ужасном состоянии, что ими не только пользоваться, но и подходить к ним близко было невозможно⁴².

Плохое санитарное состояние было характерно и для некоторых цехов завода имени К.О. Киркижа. Это – и сырость, захламленность, отсутствие в умывальниках горячей воды. Не удивительно, что и заболеваемость на предприятии в этот период выросла в 1,5 раза в сравнении с довоенным уровнем. По 3–4 месяца рабочим не выдавалось спецмыло и спецжиры, не всем предоставлялась специальная одежда⁴³. На фабрике имени Абельмана в 1942 г. работало около 1300 человек (преимущественно молодых), из них 800 были девушки из детских домов и подростки, прибывшие из Молотовской области, которым не выдали никакой обуви и одежды. И хотя настроения рабочих, по мнению проверяющего, было хорошее, приподнятое, за некоторым исключением, но количество случаев нарушений трудовой дисциплины говорит, что такое мнение нуждается как минимум в корректировке.

Другой партийный инструктор Кузнецова в сообщении от 24 февраля 1943 г. писала, что на заводе имени К.О. Киркижа 1149 человек, работавших на производстве пулеметов и противотанковых ружей, в своих общежитиях живут в холоде, зачастую без воды. Большинство рабочих нуждались в материальной помощи. По данным самого предприятия рабочие испытывали потребность в новой обуви и одежде.

По поводу условий жизни и труда хорошо выразился помощник мастера Хохулин, который, по мнению инструктора из горкома, был настроен не враждебно, но питал большое недовольство по отношению к руководству фабрики и этим в некоторой степени влиял на остальных. Следующие слова Хохулина выражали его мнение: «Мы перестроили [работу] на военный лад, руководители фабрики одели военные костюмы, а мы рабочие с ложкой за сапогом ходим на работу, потому что ложек в столовой нет»⁴⁴.

Негативное влияние на молодых рабочих, вчерашних выпускников ФЗУ и ремесленных училищ, оказывало и то, что их питание, в частности, на заводе имени К.О. Киркижа, было хуже, чем в учебных заведениях, и, самое главное, хуже, чем у рабочих, которые уже давно трудились на заводе⁴⁵. Наряду со сложными бытовыми условиями рабочих-одиночек как причину нарушений трудовой дисциплины называли именно плохое питание после работы⁴⁶.

Трудности военных лет очень ярко характеризует ситуация с мобилизованными на ковровский машиностроительный завод НКПС таджиками. Так получилось, что в сообщениях партийных проверяющих, выявленных автором в архиве г. Коврова, были описаны едва ли не все бытовые и рабочие неурядицы, типичные для русскоязычных работников. В случае с советскими гражданами, прибывшими в город из республик из Средней Азии, необходимо учитывать их национальную и религиозную специфику. В марте 1943 г. на завод НКПС прибыла группа мобилизованных таджиков (327 человек) из Сталинабада. Из них на момент проверки (на начало лета 1943 г.) работало 250 человек, умерло девять человек; два человека были арестованы; оставшаяся часть была направлена в Ташкент на металлургический завод. Уже это говорит о несогласованности действий партийных чиновников, которые принимали решение о распределении этих людей. Все таджики были поселены в общежитие, где их разместили в одну комнату, вместившую 250 человек. По заявлению жильцов, там было нечем дышать.

⁴² ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об.

⁴³ Там же. Д. 44. Л. 204.

⁴⁴ Там же. Д. 109. Л. 64.

⁴⁵ Там же. Д. 76. Л. 104; Д. 71. Л. 100.

⁴⁶ Там же. Оп. 63. Д. 30. Л. 34.

Изготовленные нары были сделаны очень грубо и, по мнению все того же партийного инструктора Ладонцева, это больше походило на конюшню. Белье рабочим меняли только два раза в месяц, и комендант объяснял это отсутствием запасных комплектов. При этом жильцов не приучали к порядку, то есть, забираясь грязными ногами в обуви и верхней одежде на койки, они дополнительно ухудшали санитарную и гигиеническую обстановку. Здесь около койки на тумбочке чистился картофель и готовился обед.

В начале марта 1943 г. завод выдал 200 грамм жидкого мыла на человека, которое вскоре было израсходовано, и только в мае его выдали вновь. Остальное время мылись без него. Рабочие, не имея второй смены белья, не могли отдать его в стирку. Что касается организации питания, то его получали один раз по жировым карточкам на 24 рабочих дня, а оставшиеся дни месяца таджики оставались совершенно без горячих блюд. Все вышесказанное, в общем, во многом совпадает с трудностями жизни других рабочих. Особенностью жизни таджиков служило то, что в некоторые дни ввиду национальных обычаев они были совсем без обеда, т.к. рыбное блюдо они не употребляли, а для употребления мяса им нужно было убедиться, что оно не из свинины. Естественно за короткий период организм многих из них истощился. Руководство предприятия не думало учитывать также, что из-за длительного рабочего дня с 7 до 19 часов вечера никто из мобилизованных не мог посетить магазин. Некоторым рабочим ввиду заболеваний врачи предписали есть белый хлеб, который можно было приобрести только в магазине. И таким образом за два месяца работы 172 человека были освобождены по временной нетрудоспособности. То есть предприятие потеряло 1737 рабочих дней⁴⁷. Следствием этого стали тревожные настроения рабочих. С ними не велась культурно-массовая работа, и не имелось никакой национальной литературы. Более того, и условия работы были неудовлетворительные. Большинство из них трудились в национальных костюмах, т.к. никакой рабочей одежды им не выдали, даже рукавиц на всех не хватило. В основном этих людей использовали на подсобных работах⁴⁸, возможно, именно по этой причине существование мобилизованных не слишком заботило руководство предприятия.

Показателен описанный партийным инструктором Ладонцевым случай, который выглядит не только аморальным, но и иррациональным с экономической точки зрения. В отчете Ладонцева рассказывается о молодой стахановке Бабашовой. В сентябре 1942 г. у нее возникла необходимость отъезда на родину за теплой одеждой. Она обратилась к начальнику цеха Самойлову с просьбой о разрешении отпуска на один день. Ее просьбу поддержал председатель профкома тов. Миронов, но в отпуске ей было отказано. Так как Бабашова страдала болезнью рук от укулов стружкой, она смогла получить освобождение по болезни и уехала на родину. По возвращении сверловщицу перевели на фрезерный станок, где она никогда не работала. Перевести ее обратно не удалось даже после вмешательства секретаря ВЛКСМ Свиридова и председателя профкома Миронова. Зам. начальника цеха Солнцев заявил, что если Бабашова еще раз заболит, то будет переведена в уборщицы. Инструктору Ладонцеву Самойлов объяснил перевод Бабашовой на другой станок производственной необходимостью. Ладонцев с этим не согласился и сделал вывод, что это сделано из мести⁴⁹. Нерациональное использование труда стахановки Бабашовой нельзя списать на военные условия. Данный эпизод свидетельствует о сложностях межличностных отношений, которые проявлялись и в суровые военные годы.

⁴⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 129. Л. 28.

⁴⁸ Там же. Л. 28 об. – 31.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

Одной из причин опозданий рабочих на предприятия был транспорт, ходивший с перебоями. Многие из трудящихся проживали не в самом городе, а в соседних деревнях и селах, из-за чего ежедневно пользовались поездами. Многие рабочие завода имени Киркижа и машиностроительного завода НКПС вынужденно ехали в тамбурах, на подножках и даже на крышах вагонов. В поездах не было света, и это использовали воры и хулиганы. Органы милиции в забитых до отказа вагонах не могли навести порядок. Хищения и кражи стали естественным спутником каждого рейса⁵⁰.

Бывали не только опоздания поездов, но и несчастные случаи на железной дороге. 30 ноября 1943 г. на перегоне между Ковровом и поселком Федулово в результате аварии погибло четыре человека и было ранено пятнадцать. С подножек следовавшего из Владимира в Ковров переполненного поезда боковым бортом встречного товарного состава было сбито девятнадцать человек⁵¹. После этого руководство ковровского горкома обратилось с просьбой к начальнику Горьковского железной дороги Соколинскому увеличить количество вагонов, даже если они будут в аварийном состоянии. Горком также просил обеспечить освещение вагонов и выделение дополнительного поезда между Ковровом и станцией Второво⁵².

В документах ковровского горкома партии имеется уникальный для военного периода отчет, в котором расписаны причины нарушений трудовой дисциплины. И хотя речь идет лишь о первом полугодии 1943 г., в целом, как кажется, его можно экстраполировать на все годы войны, т.к. конкретные случаи, описанные в источниках, в целом подтверждают тенденцию. Причины нарушений распределились следующим образом: по болезни – 191, из-за недостатка обуви – 90, после отпуска домой – 320, из-за опоздания на поезд – 159, из-за кражи (утери) хлебных карточек – 47, по домашним обстоятельствам – 86. В 128 случаях нарушитель отказался объяснять причину. Также в отчете 251 случай приходится на разные причины. Что именно авторы отчета вкладывали в них, неясно. Таким образом, около 40 % приходится на причины, которые в полной мере можно считать уважительными⁵³. Вероятно, доля таковых даже выше, что подтверждает не нежелание трудиться, а условия, в которых приходилось это делать.

Таким образом, причины нарушения трудовой дисциплины были связаны с рядом факторов, среди которых следует, в первую очередь, назвать тяжелые условия жизни и быта работников. Далекое не всегда рационально был организован труд на предприятиях, что иногда также приводило к недовольству рабочих, выраженному, прежде всего, в нарушениях трудовой дисциплины.

Отсутствие у рабочих необходимой спецодежды; плохое питание трудящихся, в том числе стахановцев, на бумаге имевших преимущество в снабжении, но в реальной жизни нередко питавшихся так же, как и прочие сотрудники, также было причиной нарушений.

Перебои с транспортом для трудящихся из окрестных деревень, работавших на предприятиях города, нередко вели к объективным нарушениям дисциплины со стороны рабочих.

Что касается неудовлетворительной политико-массовой работы, стоявшей во главе причин, по мнению партийных инстанций, то вряд ли ее можно рассматривать как действительно значимую. Безусловно, на первых порах идеологическая «накач-

⁵⁰ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 38. Л. 201.

⁵¹ Там же. Л. 201.

⁵² Там же. Л. 201 об.

⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 114. Л. 36.

ка» могла способствовать активному труду работников, но отсутствие улучшения условий труда в повседневной жизни людей быстро сводило на нет всю работу агитаторов, хотя это предположение заслуживает также отдельного изучения.

Правоприменительная практика в отношении нарушителей трудовой дисциплины в условиях военного времени

Среди эпизодов наказания за формальные нарушения трудовой дисциплины обращает на себя внимание безразличие некоторых ответственных работников предприятий к своим сотрудникам. Стахановец военного времени А.Е. Пичугин, выполнявший нормы на 275–330 %, был осужден в январе 1943 г. за прогул по причине опоздания на поезд. На предприятии не захотели разобраться с причиной прогула, а просто отправили дело в суд, чем вызвали недовольство горкома, посчитавшего, что к работникам относятся формально. При дополнительном расследовании выяснилось, что причина опоздания на поезд крылась в неверном сообщении об отправлении состава со стороны начальника станции, с которой Пичугин уезжал на завод, т.к. он проживал вне города. Ответственные руководители предприятия не захотели это выяснить⁵⁴.

Случаи с несправедливыми и даже незаконными действиями отдельных начальствующих в отношении к рабочим и работницам, которые разбирали партийные инстанции, были не единичными. Партийные документы зафиксировали явно не все такие ситуации, но даже имеющиеся материалы показательны. Так, решением парткома завода имени Киркижа был привлечен к партийной ответственности и снят с работы Г.Ф. Туркин, работавший начальником ОЖКХ завода. Формулировка была следующей: за бездушное отношение к рабочим и работницам, что проявилось в отправке жены фронтовика Азарова на подвозку дров сразу после родов, в отправке матери двух фронтовиков Лебедевой в возрасте 60 лет на ту же заготовку дров. Также проверкой были установлены факты игнорирования нужд рабочих при решении жилищно-бытовых вопросов, неоказания помощи семьям фронтовиков и непринятия мер по расселению больших групп рабочих, мобилизованных на завод. Наконец, Туркин не выполнил указания директора завода о размещении по общежитиям уже прибывших рабочих, которые были вынуждены расположиться на полу коридора отдела найма и увольнения. С завода его не уволили, но отправили на низовую работу⁵⁵. Случай интересен несколькими моментами. Во-первых, все это происходило на стратегически важном заводе, игравшем ведущую роль в деятельности советского тыла. Во-вторых, еще раз подтверждаются катастрофические трудности с размещением и обслуживанием рабочих. В-третьих, подтверждается наличие системных проблем у властей различных уровней, идущих с 1930-х гг. Но при этом не следовало бы приписывать все промахи и личностные действия руководящих лиц эпохи только огрехам системы, забывая об обычном человеческом факторе.

Разумеется, из-за вынесения ряда неадекватных судебных приговоров по статьям о нарушениях трудовой дисциплины к работе народных судов, милиции и юридических отделов предприятий у горкома были немалые нарекания. Решением Верховного суда РСФСР была оправдана работница завода имени Киркижа А.А. Панулина за якобы кражу 600 г мыла. На заводской проходной ее задержали с жидким мылом, которое она обменяла на твердое, и имела при себе об этом справку. Не только охрана предприятия, но и народный судья Бурмистрова не приняли это во внимание⁵⁶. Ковровский горком ВКП(б) был недоволен нарушением сроков ведения дел и

⁵⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 56 об.

⁵⁵ Там же. Л. 66.

⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 21; Д. 105. Л. 9.

бюрократической волокитой, которая была характерна не только для судов и прокуратуры, но юридического отдела завода имени Киркижа. Нередким явлением было привлечение к уголовной ответственности невиновных – честных граждан (по выражению документов горкома), которые судами потом оправдывались. Таким случаи были на фабрике имени Абельмана, на железнодорожной станции Ковров и других предприятиях города⁵⁷. В одном из протоколов заседаний Ковровского горкома указывалось, что «начальники цехов не считаются с достоинством рабочего в производстве, и не учитывают при каких условиях, нарушил указ и на всех прогульщиков передают дело в суд. Считают, что дело суда – разберется в каждом отдельном случае нарушения»⁵⁸. Следствием этого становилось чрезмерное количество дел, которые органы правопорядка не успевали разбирать в установленные законом сроки⁵⁹.

Некоторые из заводских управленцев были не только бездушными, но и мстительными. Тот же инструктор Ладонцев жаловался в горком на два случая, имевших место в конце 1942 г. В докладной записке он писал: «Молодая фрезеровщица Личючева просила начальника цеха отпустить ее домой в Вязниковский район, приурочив отъезд к выходному дню с последующей отработкой в выходной день. На родине у нее болела мать, ей не пошли навстречу, и она самовольно не вышла на работу, за что была осуждена к отбытию ИТР сроком на 5 месяцев с вычетом зарплаты 25 %»⁶⁰. Руководством цеха были соблюдены формальности, но с моральной и человеческой точки зрения эти действия можно считать недостойными.

На нарушения со стороны руководителей предприятий дисциплинарной практики, а нередко и бездушное отношение к нуждам рабочих не раз указывали представители городской партийной организации. На том же заводе имени Киркижа начальник цеха № 25 Калягин направлял на заготовку дров двух девушек, не имевших обуви, и после их отказа от поездки оформлял на них дела в суд. Этот случай даже стал предметом рассмотрения на одном из заседаний горкома⁶¹. Достоверной статистики по количеству таких эпизодов нет. Другой случай был связан с работницей Макаровой, перевыполнявшей производственные нормы, но едва не отданной под суд заместителем начальника цеха № 4 Ухоботновым. Причиной послужил уход работницы в здравпункт на перевязку. Ухоботнов при этом еще и заявил по этому поводу: «Раз ей надоело есть 800 грамм хлеба, пусть кушает 600 грамм».

Все это происходило на фоне того, что на заводе имени Киркижа были переплаты заработной платы, т.к. ряд сотрудников уходил домой после 9 часов работы при рабочем дне в 11 часов, о чем не было известно табельщикам⁶².

В 1941–1943 гг. широкое распространение получила практика заочного осуждения нарушителей трудовой дисциплины без вручения повестки. Осужденные рабочие часто не знали о решениях суда до момента вычета из зарплаты. Содержание приговоров также было неизвестно. Все это стало возможно из-за того, что назначение дня суда и передачу оповещений о явке в суд нарушителей народные судьи передавали начальникам отделов приема и увольнения. Последние стали злоупотреблять своими полномочиями и не стремились не только приурочивать день суда к свободному от работы времени, но и не всегда оповещали сотрудников. Для предприятий в этом была лазейка для бесплатного использования рабочей силы, ведь, как известно суды обычно приговаривали вычитать у нарушителей трудовой дис-

⁵⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 21; Д. 130. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Д. 130. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Оп. 63. Д. 32. Л. 183.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

⁶¹ Там же. Оп. 63. Д. 36. Л. 69 об.

⁶² Там же. Оп. 1. Д. 121. Л. 24.

циплины 25 % от заработной платы. Только после того, как эта информация дошла до Ковровского горкома, описанная практика была осуждена, а массовый заочный разбор дел было предписано прекратить. Прокуратуре и народным судьям указали на необходимость контроля этого процесса⁶³. Описанная ситуация в очередной раз наталкивает на мысль о том, что существующая статистика вполне вероятно имеет большое расхождение между количеством вынесенных приговоров и реальными нарушениями со стороны работников. Вычислить количество осужденных с реальными нарушениями и без оных скорей всего не представляется возможным. Кроме того, проверяющими партийными инстанциями были зафиксированы случаи, когда на предприятиях некоторые дела вместо передачи в суд заменяли административными взысканиями в отношении рабочих. Нередким явлением стали случаи недопуска на работу из-за отсутствия пропуска⁶⁴.

В вопросе правоприменительной практики следует указать, что слова руководящих работников имели в глазах органов правопорядка более весомое значение, чем слова обычных рабочих и служащих. В данном контексте характерен пример рабочего завода имени Киркижа И.В. Паинцева. Мастер Спиридонов обвинил его в том, что он спал на рабочем месте, однако никто более это не подтвердил, но органы исполнительной власти поверили именно мастеру. Такой факт можно было бы рассматривать как промах системы, однако именно партийные инстанции и пожелали разобраться в ситуации⁶⁵.

Правоприменительная практика в отношении нарушителей трудовой дисциплины была в большей степени направлена на осуждение реальных и мнимых нарушителей, чем на попытку разобраться в каждой конкретной ситуации. И если в некоторой степени можно понять администрацию предприятий, не желавшую вникать в тонкости юридической работы, то массовый вал обвинительных приговоров со стороны судебных инстанций, видимо, следует списать на формальность и бездушие многих сотрудников этих ведомств. В случае с Ковровом нужно особенно выделить роль партийных работников, стремившихся нередко разобраться в ситуации по существу. Безусловно, данное стремление ковровской партийной организации можно рассматривать как фактор, несколько сглаживавший противоречия, возникавшие между работниками, администрацией предприятий и правоохранительными органами. В связи с этим небезынтересно в будущем выяснить, единична ли эта тенденция в регионе или другие партийные организации Ивановской и Владимирской областей, а также прочих тыловых субъектов СССР, действовали схожим образом.

Правоприменительная практика военных лет часто не соответствовала действующим процессуальным законам, вызывала недовольство партийных инстанций и иногда приводила к затяжным разбирательствам, доходившим до высших судебных инстанций государства. Особенно вопиющие случаи попадали на страницы партийных документов как показательные, так как ряд решений низовых судов был отменен вышестоящими инстанциями. Разумеется, эти действия не крашили администрацию предприятий, прокуратуру и суды в глазах как трудящихся, так и представителей партийных органов города.

Динамика нарушений трудовой дисциплины

Дошедшие до нас партийные документы дают относительно репрезентативную и наглядную статистику по городу Коврову и его предприятиям. Следует заметить,

⁶³ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 33. Л. 79.

⁶⁴ Там же. Д. 32. Л. 183.

⁶⁵ Там же. Д. 36. Л. 80 об.

что попытки найти общую динамику в рамках предприятий Владимирского края, предпринятые нами в свое время, не удалась⁶⁶.

По мнению партийных инстанций, трудовая дисциплина на крупнейших предприятиях Коврова в годы войны была расшатанной. Согласно имеющимся данным, можно проследить определенную динамику подобных нарушений. Если говорить о мелких предприятиях, где трудилось от нескольких десятков до нескольких сотен человек, то с началом войны имела тенденция к сокращению случаев нарушений трудовой дисциплины. Это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, на таких предприятиях проще было отследить трудовое поведение незначительного количества сотрудников, во-вторых, проще было закрывать глаза на нарушения. Второй фактор, возможно, даже более важный. На три крупнейших ковровских предприятия была мобилизована значительная масса молодежи из окрестных деревень и других регионов страны (сюда относятся и эвакуированные из временно оккупированных районов). Люди были расселены в основном в общежитиях и бараках и не имели сносных жилищно-бытовых и продовольственных условий. Следствием этой ситуации стали массовые нарушения трудовой дисциплины, которые следует рассматривать как своеобразный социальный протест.

При этом нарушения трудовой дисциплины, например на заводе имени Киркижа, случались и среди начальствующего состава. В течение 1942 г. среди руководящего состава было отмечено 517 таких случаев, что составило 8 % от общего количества⁶⁷. Случаи нарушений были широко распространены даже среди охраны предприятий. За это к партийной ответственности были привлечены директор по охране завода А.М. Ундалов и его заместитель П.И. Слабов. За 11 месяцев 1942 г. было зафиксировано 396 подобных случаев, что, кстати, превысило показатели всех мелких предприятий города вместе взятых. Были случаи сна на посту (46) и самовольного ухода (5). Но финальную точку в отношении Ундалова и Слабова, видимо, поставило похищение пистолета ТТ с боевыми патронами, которые не были найдены⁶⁸.

В вопросе определения динамики нарушений трудовой дисциплины мы можем опираться только на официальную статистику, которая в основном содержится в документах городского комитета ВКП(б) г. Коврова. Использовать данную статистику следует с осторожностью, так как здесь содержатся лишь официально зафиксированные случаи. Требование со стороны партийных органов к выявлению нарушителей в реальности часто не выполнялось. Но по большому счету добиться улучшения правоприменительной практики удалось только в вопросе ускорения процесса рассмотрения дел. В случае с г. Ковровым надо учитывать, что основная масса трудящихся работала всего лишь на нескольких местных крупных предприятиях. Это был главный индустриальный гигант города – завод имени Киркижа; оборонное предприятие, занимавшееся машиностроением (НКПС), и текстильная фабрика имени Абельмана. Все прочие предприятия относились либо к транспортным и пищевым отраслям или являлись артелями по производству товаров широкого потребления. В целостной статистике они существенной роли сыграть не могли, чего нельзя сказать о специфике разных групп предприятий.

В целом для города Коврова в начальный период войны характерен рост нарушений в области трудового законодательства. Прирост давали исключительно три вышеназванных крупнейших предприятия города. И если за второе полугодие

⁶⁶ Тряхов И.С. Трудовая дисциплина на предприятиях Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 71–80.

⁶⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 72.

⁶⁸ Там же. Д. 32. Л. 18–18 об.

1940 г. было зафиксировано 4531 нарушение⁶⁹, в предвоенное полугодие 1941 г. отмечено снижение до 2424 случаев⁷⁰, то уже вторая половина 1941 г. дала прирост до 5477 случаев⁷¹, а в январе – июне 1942 г. было зафиксировано 6196 случаев⁷².

Для завода имени Киркижа характерна следующая динамика. За второе полугодие 1940 г. зафиксировано 2910 случаев⁷³, в первом полугодии 1941 г. количество нарушений снизилось до 1463 случаев⁷⁴. А во втором полугодии 1941 г. произошел резкий рост – 3820 случаев⁷⁵, в первом полугодии 1942 г. зафиксировано уже 5063 случая⁷⁶. Данных по второму полугодью 1942 г. нет, но партийные инстанции сигнализировали, что тенденции к сокращению нарушений не было. Зато в 1943 г. количество нарушений резко снизилось и составило 814 случаев⁷⁷. Чем это было обусловлено, можно лишь предположить, так как реального улучшения условий жизни и труда не произошло. При этом столь низкая цифра, обнаруженная в документах, вызывает сомнения и, по всей видимости, статистика не учитывала все случаи нарушений с точки зрения законодательства. В 1944 г. количество нарушений вновь резко выросло, о чем свидетельствовал городской прокурор Латухин⁷⁸. При этом конкретных цифр в архивных делах найти не удалось. Таким образом, для этого завода характерна волнообразная динамика.

Вторым по величине предприятием Коврова, выпускавшим обмундирование для Красной армии, была текстильная фабрика имени Абельмана. В отличие от завода имени Киркижа количество нарушений трудовой дисциплины здесь не было волнообразным. Сразу после издания указа от 26 июня 1940 г. во втором полугодии 1940 г. было зафиксировано 690 случаев⁷⁹, в первом полугодии 1941 г. количество нарушений резко снизилось до 283⁸⁰, но уже далее последовал резкий скачок, и во втором полугодии 1941 г. имелось 717 случаев нарушений⁸¹. Первая половина 1942 г. оптимизма не добавила, хотя рост нарушений был незначительным и достиг 771⁸². За восемь месяцев 1943 г. количество нарушений составило 545⁸³, что кажется некоторым улучшением, но преувеличивать его явно не следует. В дальнейшем наблюдалось стабильное количество нарушений трудовой дисциплины⁸⁴, что легко объяснимо из-за широкого призыва в фабричные цеха новых кадров, жизнь которых, как отмечалось выше, была чрезвычайно тяжелой. При этом конкретные цифры в настоящий момент отыскать в архивных материалах не удалось, и остается поверить на слово партийным работникам и руководству предприятия, представители которого говорили об этом на заседаниях Ковровского горкома партии.

Основная доля нарушителей – это молодежь, мобилизованная на предприятия из окрестных деревень в ходе войны, а также эвакуированные люди, проживавшие в более трудных условиях и имевшие недостаток в предметах одежды и быта. Их массовое привлечение в ходе войны к работе привело к росту нарушений трудо-

⁶⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

⁷⁰ Там же. Л. 47.

⁷¹ Там же. Л. 47.

⁷² Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁷³ Там же. Д. 48. Л. 47.

⁷⁴ Там же. Л. 47.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁷⁷ Там же. Оп. 63. Д. 38. Л. 125 об.

⁷⁸ Там же. Д. 43. Л. 4.

⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

⁸⁰ Там же. Д. 48. Л. 47.

⁸¹ Там же. Л. 47.

⁸² Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁸³ Там же. Оп. 63. Д. 38. Л. 125 об.

⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 20 об.

вой дисциплины. Согласно изученным источникам, однозначно нельзя говорить о наличии общей динамики по всем предприятиям и учреждениям города, можно только констатировать, что на крупных предприятиях наблюдалась тенденция к росту нарушений на протяжении всей войны. Даже несмотря на некоторое снижение нарушений в отдельные периоды, их число все равно оставалось стабильно высоким.

В заключение следует отметить, что, согласно архивным данным, во втором полугодии 1945 г. количество правонарушений возросло. Ответственные работники объясняли это тем, что после войны многие мобилизованные рабочие полагали, что с окончанием боевых действий и демобилизацией Красной армии закончилось и действие жесткого законодательства, тем более что, например, указ, запрещающий самовольный уход с предприятия, был издан еще в ходе войны⁸⁵. 7 июля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия по данному закону для тех, кто нарушил его в течение последнего полугодия. Таким образом, можем видеть очередную волну всплеска нарушений, вызванную как старыми, так и новыми причинами. И вплоть до отмены июньского 1940 г. и декабрьского 1941 г. указов горкома партии был чрезвычайно недоволен деятельностью органов милиции, которые должны были, согласно постановлению СНК СССР от 29 июня 1944 г., своевременно разыскивать (как говорилось в официальных партийных документах) дезертиров производства⁸⁶.

На заседаниях горкома партии ответственные работники Коврова нередко жаловались, что и общественное мнение не было настроено непримиримо к прогульщикам⁸⁷. Это было неудивительно, если учесть тот факт, что вероятность попадания под наказание была едва ли не у каждого. Известно, что подобной участи не избежали даже некоторые стахановцы.

Выводы

Необходимость жесткого трудового законодательства для занятых на советских оборонных предприятиях традиционно объясняется условиями военного времени. Изучение конкретных примеров его исполнения в трудовых коллективах г. Коврова демонстрирует различные ситуации. Нередкими были не только случаи нарушения порядка ведения процесса со стороны заводских и государственных инстанций, но и волонтаризм в действиях отдельных чиновников. Анализ трудовых практик эпохи Великой Отечественной войны подтверждает многогранность и сложность человеческой жизни и исторического процесса, подчеркивает суровые условия, в которых труженики тыла ковали меч для Красной армии. И хотя война, после трудных, ознаменованных репрессиями и масштабными перемещениями населения 1930-х гг., безусловно, сплотила значительную часть советских людей, тем не менее специфика социальных процессов военных лет во многом определялась характером партийно-государственной политики в этой сфере предыдущего десятилетия.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают тезис о низкой культуре труда в СССР в рассматриваемый период. Форсированная индустриализация позволила стране быстро возвести большое количество новых предприятий и оснастить их передовым оборудованием, но процесс подготовки и воспитания трудовых кадров оказался более длительным и трудным. В преимущественно крестьянской стране, где среди населения были совершенно иные трудовые ориентиры, быстро решить этот вопрос было нельзя. Данная особенность советской экономики в значительной степени объективна в силу недолгих сроков, в ходе которых шел про-

⁸⁵ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 162. Л. 21.

⁸⁶ Там же. Л. 21.

⁸⁷ Там же. Оп. 63. Д. 32. Л. 182.

цесс индустриализации. Однако не следует сбрасывать со счетов и правительственные просчеты, завышенные планы, которые стремились выполнять в ущерб качеству продукции.

В городе Коврове не было эвакуированных предприятий, и большую часть работников здесь составляли мобилизованные жители окрестных деревень, эвакуированные с оккупированных территорий, жители блокадного Ленинграда, мобилизованные из советских республик Средней Азии. Плохие условия на производстве и в быту, с которыми сталкивались в своей повседневной трудовой деятельности люди, были вызваны в том числе и недостаточной подготовкой страны к войне. А в условиях все более возрастающей потребности в увеличении вооружений для действующей армии проблемы труда и быта тружеников тыла отходили на второй план. В результате и многие ответственные работники оправдывали свое бездействие войной, не желая нередко признавать собственную неспособность эффективно решать проблемы улучшения труда и жизни рабочих и служащих оборонных предприятий города.

Рукопись поступила: 5 сентября 2019 г.

Submitted: 5 September 2019

Библиографический список

- Аникин А.С.* Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир: Призыв, 1969. 51 с.
- Белоногов Ю.Г., Мазука А.А.* Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 106–112.
- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина М.: АПН, 1989. 510 с.
- Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34.
- Ганценмюллер Й.* Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2019. 511 с.
- Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1990. 262 с.
- Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М.: Наука, 1984. 232 с.
- Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.
- Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.
- Кабирова А.Ш.* Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 169–180.
- Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 55–59.
- Комарова Н.Е., Монякова О.А.* Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне Ковров. Красное знамя, 2005. 136 с.
- Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 483 с.
- Пономарев Д.И.* Владимирский край в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Владимир: Наука, 1995. С. 56–80.
- Пыхалов И.В.* Великая обогнанная война. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 480 с.
- Романов Р.Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск: НГУ, 2009. 230 с.
- Романов Р.Е.* Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 309–332.

- Сомов В.А. По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2001. 234 с.
- Сомов В.А. Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.
- Тогоева С.И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. М.: [Б.и.], 2002. С. 39–56.
- Тряхов И.С. Трудовая дисциплина на предприятиях Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 71–80.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Фролов Н.В. Ковровчане в Великой Отечественной: к 55-летию Великой Победы. Ковров: Маштекс, 2000. 112 с.
- Чуриков А.В. Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 3. С. 125–129.
- Шалак А.В. Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.
- Шубин А.В. 10 мифов советской страны. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 413 с.
- Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918 г. СПб.: «Питер», 2017. 246 с.
- Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A. Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504.

References

- Anikin, A.S. *Trudovoy podvig rabochikh Vladimirskoy i Ivanovskoy oblastey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: ocherki, esse*. Vladimir: Prizyv Publ., 1969 (in Russian).
- Belonogov, Yu.G., and Mazuka, A.A. “Violators of Labour discipline on the Krasnokamsk pulp and paper mill, 1940–1946: evolution of the sociological portrait.” *Perm National Research Polytechnic University*, no. 1 (2017): 106–112 (in Russian).
- Churikov, A.V. “Labor relations at evacuated heavy industry enterprises in the Chelyabinsk region (1941–1946).” *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, no. 3 (2011): 125–129 (in Russian).
- Fitspatrik, Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Frolov, N.V. *Kovrovchane v Velikoy Otechestvennoy: k 55-letiyu Velikoy Pobedy*. Kovrov: Mashteks Publ., 2000 (in Russian).
- Gantsenmyuller, Y. *Osazhdennyy Leningrad. Gorod v strategicheskikh raschotakh agressorov i zashchitnikov. 1941–1944*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2019 (in Russian).
- Kabirova A.Sh. “The influence of legal and socio-economic factors on the labor behavior of workers in the industry of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945).” *Pushkin Leningrad State University Journal*, no. 3 (2014): 169–180 (in Russian).
- Kladov, V.Yu. “Desertion from the defense enterprises of the Penza region in 1942–1944.” *Almanac of Modern Science and Education*, no. 10 (100) (2015): 55–59 (in Russian).
- Komarova, N.Ye., and Monyakova, O.A. *Put' k Pobede: Kovrov v 1941 – 1945: sbornik materialov o Velikoy Otechestvennoy vojne*. Kovrov: Krasnoye znamya Publ., 2005 (in Russian).
- Khlevniuk, O.V., and Hale-Dorell, A. “Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers 20, no. 3 (2019): 481–504.
- Medvedev, R. *O Staline i stalinizme*. Moscow: Progress Publ., 1990 (in Russian).
- Ponomarov, D.I. “Vladimirskiy kray v gody Veliko Otechestvennoy voyny.” In *Velikaya Otechestvennaya voyna i sovremennost'*, 56–80. Vladimir: Nauka Publ., 1995 (in Russian).
- Pykhalov, I.V. *Velikaya obolgannaya voyna*. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006 (in Russian).
- Romanov, R.Ye. *Rabochaya molodezh' oboronnykh predpriyatij v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)*. Novosibirsk: NGU Publ., 2009 (in Russian).

- Romanov, R.Ye. "Labor incentives for workers of the defense enterprises of Siberia during the Great Patriotic War (on the example of the Sibmetallstroy plant)." *Economic History and History of Economics* 15, no. 2 (2014): 309–332 (in Russian).
- Shalak, A.V. "The motivation system in the distribution system during the Great Patriotic War (1941–1945)." *Economic History and History of Economics* 12, no. 2 (2011): 20–40 (in Russian).
- Somov, V.A. *Po zakonu voyennogo vremeni. Ocherki istorii trudovoy politiki SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)*. N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2001 (in Russian).
- Somov, V.A. "Labor and duty: material and everyday aspects of labor motivation during the Great Patriotic War of 1941–1945. (based on materials from the Volga-Vyatka region)." *Economic History and History of Economics* 12, no. 2 (2011): 5–19 (in Russian).
- Shubin, A.V. *10 mifov sovetskoy strany*. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006 (in Russian).
- Shubin, A.V. *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917–mart 1918 g.* St. Petersburg: Piter Publ., 2017 (in Russian).
- Togoyeva, S.I. "Faktory vliyaniya na motivatsiyu truda (na materialakh Tverskogo vagonostroitel'nogo zavoda v 1941–1951 gg.)." In *Ekonomicheskaya istoriya. Obzreniye*, 39–56. Moscow: [S.n.], 2002 (in Russian).
- Tryakhov, I.S. "Labor discipline at enterprises of Vladimir region during great patriotic war." *RUDN Journal of Russian History* 14, no. 3 (2015): 71–80 (in Russian).
- Volkogonov, D.A. *Triumf i tragediya. Politicheskii portret I.V. Stalina*. Moscow: APN Publ., 1989 (in Russian).
- Volodarskiy, L.M. "Sovetskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny." *Voprosy istorii*, no. 7 (1985): 14–34 (in Russian).
- Zagvozdkin, G.G. *Tsena Pobedy. Sotsial'naya politika voyennykh let*. Kirov: Volga-Vyatka Book Publ., 1990 (in Russian).
- Zinich, M.S. *Trudovoy podvig rabochego klassa v 1941–1945 gg. (po materialam otrasley mashinostroyeniya)*. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Zhelayeva, S.G. "Working youth during the Great Patriotic War (based on the materials of the Republic of Buryatia)." *Bulletin of the Buryat State University*, no. 7 (2015): 24–29 (in Russian).
- Zemskov, V.N. "Organization of the workforce and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War." *International Relations*, no. 1 (2014): 104–114 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Ilya S. Tryakhov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.